

ИЗВѢСТІЯ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціей Правителя Дѣла И. И. Серебrenникова.

Томъ XLV. 1916 годъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
Дмитрія Александровича
Клеменца.

И Р К У Т С К Ъ.
Типографія Иркутскаго Т-ва Печатнаго Дѣла.

1917.

Дмитрій Александровичъ
Клеменць въ 1875 $\frac{1}{2}$ г.

Памяти супругов Клеменць.

Человѣкъ, памяти котораго Комитетъ Минусинскаго Музея постановилъ посвятить настоящее*) собраніе, былъ большимъ человѣкомъ не только для Минусинска, а и вообще для Сибири, въ которой онъ провелъ 15 лучшихъ лѣтъ своей жизни, и для Россіи, въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, областяхъ гдѣ ему пришлось развивать свою дѣятельность.

Такая сложная,—я бы сказалъ —многогранная,—и оригинальная фигура, какою былъ Дмитрій Александровичъ, требуетъ пристального изученія и не только по матеріаламъ, имѣющимся въ литературѣ—наслѣдство имъ оставленное здѣсь не такъ велико,—а по той, главнымъ образомъ, работѣ его, которая совершалась среди живыхъ людей, среди многочисленныхъ друзей его, среди того людского общества, душой котораго онъ всегда и вездѣ былъ. Это большое значеніе Клеменца, не учитываемое въ его литературныхъ произведеніяхъ, отмѣчаетъ въ статьѣ, посвященной ему, маститый сибирскій патріотъ и ученый Гр. Н. Потанинъ, который не обинуясь называетъ Дм. Ал-ча «учителемъ сибирскихъ поколѣній», а именно онъ говоритъ:

«Продолжительная жизнь въ Сибири, участіе въ мѣстной жизни, знакомство съ сибирскими общественными вопросами и культурныя услуги этой странѣ дали ему право на званіе учителя сибирскихъ поколѣній. Когда онъ жилъ въ столицѣ, въ его квартирѣ постоянно толкалась сибирская

---

*) Настоящая статья представляетъ изъ себя въ нѣсколько дополненномъ видѣ докладъ, который А. В. Адриановъ предполагалъ прочесть въ январѣ мѣсяцѣ 1914 года на публичномъ засѣданіи Комитета Минусинскаго Музея, и который, по полицейскимъ причинамъ, не былъ допущенъ къ прочтенію.

молодежь. Молодые сибиряки, стремившіеся въ высшую школу, ѣхали съ рекомендательными письмами къ Клеменцу. Его журфиксы въ девяностыхъ годахъ проплаго столѣтія замѣнили сибирскіе журфиксы Ядринцева семидесятихъ годовъ. Они были продолженіемъ Ядринцевскихъ вечеровъ и по своему духу и направленію...»*)

Принимая во вниманіе трудность изображенія предъ вами во весь ростъ такой фигуры, какъ Клеменць, изображенія, достойнаго его памяти, я ограничусь выборкой того немногаго лучшаго, что есть о Клеменцѣ въ нашей литературѣ, и тѣми личными воспоминаніями и разказами, которые необходимы для полноты біографическаго очерка.

Если мнѣ удастся изъ этихъ кусочковъ набросать передъ вами болѣе или менѣе цѣльный образъ Дмитрія Александровича и закрѣпить въ вашей памяти воспоминаніе о немъ, какъ о высоко-одаренной, свѣтлой личности, я буду считать задачу свою выполненной. Для той же большой задачи, о которой я упомянулъ раньше,—объ изображеніи Д. А. Клеменца во весь его ростъ, я думаю, не настало еще время. Но я не сомнѣваюсь, что среди его многочисленныхъ друзей найдутся талантливые люди, которые выполнятъ эту трудную задачу.

Въ самомъ дѣлѣ, поставленный правительствомъ въ ряды его наиболѣе опасныхъ враговъ въ свои юношескіе годы, преслѣдуемый за свою революціонную дѣятельность прерванную ссылкой въ Сибирь, Клеменць съ головой уходитъ въ разностороннюю культурную работу на пользу страны, ставшей второй его родиной, а затѣмъ призывается министерствомъ Двора встать во главѣ вновь учреждаемаго въ Петербургѣ грандіознаго Этнографическаго Музея въ память Императора Александра III, гдѣ ему приходится время отъ времени давать личныя объясненія Государю о ходѣ организационныхъ работъ и демонстрировать поступающія коллекціи. Какая удивительная гамма чисто внѣшнихъ перемѣнъ въ обстановкѣ и положеніи! А между тѣмъ, Клеменць, какъ монолитъ, оставался цѣльнымъ человѣкомъ въ своихъ убѣж-

---

*) «Сибирская Жизнь», 1914 г., № 10. Статья Г. Н. Потанина:—«Д. А. Клеменць».-

деніяхъ и взглядахъ и неспособнымъ ни на какіе компромиссы.

Лучшая характеристика Клеменца сдѣлана однимъ изъ его друзей, С. Степнякомъ. Эта извѣстная характеристика — единственная въ литературѣ, и всѣми, близко знавшими Дмитрія Александровича, она признается не только вѣрной, но и блестящей. *)

Отсылая слушателей къ этой книгѣ Степняка, я приведу нѣкоторыя свѣдѣнія изъ біографіи Д. А. Клеменца. Хотя его фамилія звучитъ французскимъ словомъ, указывая на какого-то отдаленнаго предка изъ этой страны, но въ лицѣ его сохранились характерныя черты калмыцкаго типа, аборигена тѣхъ степей, среди которыхъ жилъ и множился родъ Клеменцевъ. Сынъ управляющаго имѣніемъ въ Самарской губерніи, Дм. А. Клеменць родился въ 1848 г. въ Самарѣ и, по окончаніи здѣсь гимназіи, поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета Казанскаго университета, изъ котораго перебрался затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ пульсъ научной жизни, уже тогда увлекавшей Клеменца, бился сильнѣе и полнѣе могъ удовлетворить пытливый умъ ея молодого адепта. Особенно онъ интересовался геологіей, которая и въ послѣдствіи заняла такое видное мѣсто въ его работахъ.

Но университета ему не пришлось окончить. Войдя въ ряды молодежи, выступившей на борьбу съ усиливавшейся тогда реакціей, онъ отдался пропагандѣ среди народа и перешелъ на нелегальное положеніе. Участвуя въ различныхъ кружкахъ и организаціяхъ, онъ занималъ тамъ вліятельное положеніе, благодаря своему уму, особенностямъ дарованія и высокимъ качествамъ души. Основательныя знанія и начитанность обезпечили ему видное участіе въ журналѣ «Впередъ» Лаврова и др. революціонныхъ изданіяхъ, а еще больше — въ нашихъ легальныхъ журналахъ. Указанныя свойства ума и качества души съ еще большею яркостью и силою проявлялись имъ и во время «хожденія въ народъ», при путешествіяхъ изъ деревни въ деревню, гдѣ онъ былъ

---

*) С. Степнякъ. «Подпольная Россія» 2 изд., вышедшее въ Россіи. С. П. В. 1906 г., стр. 45-54. Библиотека «Свѣточа» подъ ред. С. А. Венгерова. Серія «Матеріалы для исторіи русскаго общественнаго движенія» № 2.

окруженъ общими и неизмѣнными симпатіями, превосходно выполняя взятую на себя роль. Объ этой полосѣ жизни Клеменца не появилось еще въ литературѣ связнаго разсказа, но, надо полагать, его смерть вызоветъ воспоминанія, которыя будутъ служить украшеніемъ для памяти о немъ. Въ декабрьской книжкѣ «Голоса Минувшаго» за 1913 г. есть нѣсколько интересныхъ штриховъ изъ этой полосы жизни Клеменца въ воспоминаніяхъ его друга Н. А. Морозова, озаглавленныхъ «Во имя братства». А въ воспоминаніяхъ одного изъ самыхъ близкихъ его друзей, А. И. Иванчина-Писарева, печатавшихся въ «Завѣтахъ», Клеменцу отведено болѣе значительное мѣсто.

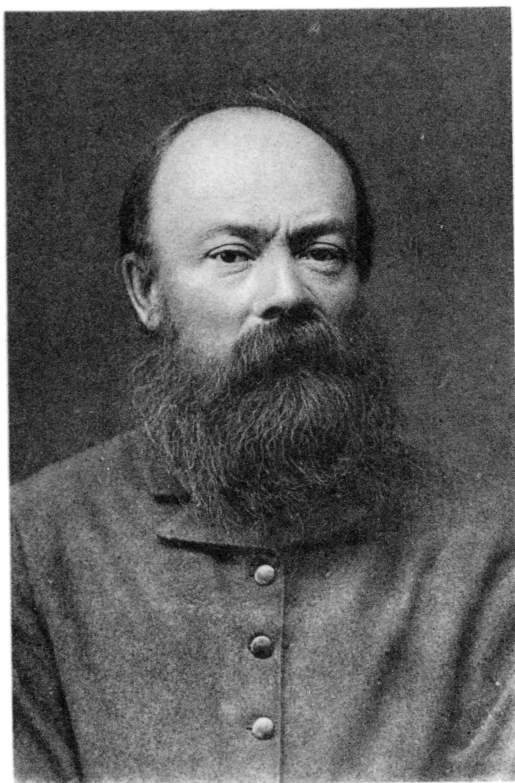
Въ концѣ семидесятыхъ годовъ оба друга работали одно время вмѣстѣ—А. И. Писаревъ: въ качествѣ волостного писаря, а Д. А. Клеменць—въ качествѣ его работника. Рассказывали мнѣ, что когда инкогнито ихъ обоихъ было раскрыто и ихъ готовились арестовать, Клеменць убрался въ имѣніе одного помѣщика, дочь котораго, дѣвочка увела Дм. Ал-ча въ поле и спрятала въ высоко колосившемся хлѣбѣ; здѣсь онъ пролежалъ цѣлый день, до сумерекъ, а затѣмъ его переодѣли нищимъ, отправили на поѣздъ и помогли скрыться за границу. Здѣсь Дм. Ал-чъ, уже владѣвшій языками и имѣвшій друзей среди ученыхъ, отдѣлся научнымъ интересамъ и занялся пополненіемъ своихъ знаній.

Это нелегальное положеніе, начавшееся въ 1873 г., длилось до марта 1879 г., когда вернувшійся изъ-за границы Дм. Ал-чъ былъ арестованъ.

Осенью 1881 г. пароходъ «Коссаговскій» тащилъ за собою по Иртышу и Оби, отъ Тюмени до Томска, арестантскую баржу, на которой находились три друга, отличавшіеся удивительной бодростью духа и веселымъ нравомъ. То были докторъ Веймаръ, А. И. Иванчинъ-Писаревъ и Д. А. Клеменць. Первый сослался въ Нерчинскіе рудники, а послѣдніе двое направлялись въ Минусинскъ, куда они прибыли въ октябрѣ 1881 г. Съ этого момента для Дмитрія Александровича началась новая полоса его жизни, цѣликомъ посвященная культурной работѣ на благо страны, которой онъ отдастъ 15 зрѣлыхъ лѣтъ своей жизни.

Елизавета Николаевна
Клеменць.

Дмитрій Александровичъ
Клеменць въ 1891 г.

По приѣздѣ въ Минусинскъ, онъ сразу познакомился и быстро сблизился съ Ник. Мих. Мартьяновымъ и сталъ его лучшимъ другомъ и помощникомъ въ устройствѣ Музея, этого дѣтища Мартьянова, ставшаго гордостью не только Минусинска, а и всей Сибири и прославившаго Минусинскъ далеко за предѣлами нашего отечества. Въ этой славѣ Минусинска виднѣйшую роль сыгралъ Дм. Ал. Клеменць своимъ трудомъ, именно—литературной разработкой сырыхъ матеріаловъ Музея и широкимъ опубликованіемъ ихъ, чего не доставало самому Мартьянову.

Образцовый, изумительный коллекторъ и организаторъ Музея, Мартьяновъ въ Клеменць получилъ необходимое дополнение для того, чтобъ создать то «чудо», которое приобрѣло извѣстность въ умственныхъ центрахъ не только Европейской Россіи, а и Западной Европы, вызвавъ командировки въ Минусинскъ и его уѣздъ, для изученія древностей-отдѣльныхъ ученыхъ и цѣлыя экспедиціи.

Классическая страна памятниковъ древности,—по обилію, оригинальности и разнообразію—Минусинскій уѣздъ естественно долженъ былъ дать мѣстному музею обильный и оригинальный матеріалъ по отдѣлу археологіи, опредѣлившему выдающуюся научную цѣнность всего Музея. И на этотъ-то отдѣлъ прежде всего обратилъ вниманіе Д. А. Клеменць. Онъ сдѣлалъ кропотливую и продолжительную работу, составивъ подробное описаніе, со многими измѣреніями, многихъ сотенъ накопленныхъ въ Музеѣ предметовъ металлическихъ эпохъ, а въ обширномъ введеніи къ этому труду далъ блестящій очеркъ прошлаго края, на основаніи цѣлаго ряда протрудированныхъ имъ источниковъ.

«Древности Минусинскаго Музея», какъ называлась написанная Д. А. Клеменцемъ книга, дѣйствительно составила «выдающееся событіе въ жизни Минусинскаго Музея», какъ выразился составитель *). Историческаго очерка Минусинскаго Музея за 25 лѣтъ»*)

Авторъ блестяще выполнилъ взятую на себя роль,—говоритъ г. Конь,—отказавшись отъ научно-критической обработки матеріала. Онъ описалъ матеріалъ и доставилъ читателю всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть полезны при раз-

---

*) Ф. Конь. «Историч. очеркъ Минусинскаго Музея за 25 лѣтъ.» Стр. 83.

смотрѣнія Минусинскихъ древностей. Для этой цѣли авторъ во введеніи помѣстилъ подробный топографическій очеркъ долины верхняго Енисея, описаніе археологическихъ памятниковъ этой мѣстности по личнымъ наблюденіямъ и отчасти по литературнымъ источникамъ, свѣдѣнія о попыткахъ научнаго изслѣдованія древностей и свѣдѣнія о народахъ, въ древнія времена населявшихъ нынѣшній Минусинскій округъ».

Но это—отзывъ некомпетентнаго человѣка, писавшаго съ чужого голоса. А вотъ уже вполне компетентныя мнѣнія о названномъ трудѣ. Завѣдующій музеемъ Н. М. Мартяновъ въ отчетѣ по музею за 1886 г. по поводу выпуска «Древностей» пишетъ:

«Ученый міръ еще больше заинтересовался Музеемъ; похвалы чередуются съ запросами, благодарности съ приношеніями. Завязалась оживленная переписка съ специалистами, учеными обществами и учрежденіями. Всѣ получившіе изданіе спѣшатъ подѣлиться съ Музеемъ своими печатными трудами, и число дорогихъ вкладовъ въ нашу Минусинскую бібліотеку увеличивается. Благодаря этой книгѣ посѣтитель Музея, успѣвшій предварительно ознакомиться съ ея содержаніемъ, будетъ въ состояніи лучше омыслить тотъ интересъ, какой представляетъ осмотръ любопытныхъ предметовъ нашего археологическаго отдѣла. Такимъ образомъ, работа Д. А. Клеменца имѣетъ тройкую цѣнность: для науки, музея и общества.»*)

Но вотъ отзывъ со стороны, отъ компетентнѣйшаго учрежденія въ Имперіи. 6 декабря 1886 г. Непремѣнный Секретарь Имп. Академіи Наукъ пишетъ завѣдующему музею: «Не могу Вамъ выразить, какъ я порадовался успѣху, достигнутому Вашими стараніями въ дѣлѣ розысканія и описанія интересныхъ памятниковъ старины Минусинскаго края. Изданіе Ваше—превосходно и по ученому тексту г. Клеменца, и по отличному исполненію фотогравюры Шерера и Набгольца; а обстоятельный каталогъ металлическихъ древностей Музея открываетъ для археологовъ такое богатство коллекцій любопытныхъ и поучительныхъ предметовъ, что

---

*) Ibid. Стр. 84.

можетъ съ честью выдержать сравненіе съ лучшими изданіями этого рода у насъ и за границей».*)

Подобные же отзывы, тотчасъ по ознакомленіи съ трудомъ Клеменца, дали Музею Имп. Археологическая Комиссія, предсѣдатель Московскаго Археологическаго общества гр. П. С. Уварова, В. Г. Тизенгаузенъ, М: Венюковъ, консерваторъ Эстляндскаго провинц. Музея р. Jordan и др. археологи. Сюда же нужно присоединить и восторженный отзывъ Martine'a, шведскаго археолога, сдѣланный имъ о трудѣ Клеменца въ позднѣйшее время, на основаніи личнаго ознакомленія съ древностями Музея. Приѣхавъ въ Минусинскъ ради изученія собранныхъ въ Музеѣ древностей бронзовой культуры, Мартинъ въ предисловіи къ своему труду пишетъ:

«Не одна столица Европы можетъ завидовать Минусинскому Музею; онъ является единственнымъ въ мірѣ во всемъ, что относится къ сибирскимъ древностямъ».

Въ періодической печати, какъ мѣстной, сибирской, такъ и столичной, появились столь-же восторженные отзывы, встрѣтившіе появленіе «Древностей» Клеменца. Такъ напр., въ майской книжкѣ «Историч. Вѣстника» за 1887 г. появилась такого содержанія замѣтка: «Читатель очень бы ошибся, если бъ по заглавію представилъ себѣ, что тутъ идетъ дѣло о какомъ нибудь каталогѣ, о скучномъ и подробномъ перечнѣ предметовъ, собранныхъ въ мѣстномъ Минусинскомъ Музеѣ. Передъ нами—весьма почтенная попытка создать на основаніи собранныхъ въ Минусинскомъ музеѣ предметовъ древности цѣлый очеркъ археологическихъ раскопокъ и изслѣдованій, произведенныхъ во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія въ Минусинскомъ округѣ и въ областяхъ сопредѣльныхъ. Попытка весьма почтенная и со стороны г. Клеменца, составившаго каталогъ Музея и предпославшаго каталогу подробную описательную статью, и со стороны г. Кузнецова, не пожалѣвшаго средствъ и умѣнья на то, чтобы превосходно (я не могу отозваться иначе) издать и текстъ къ атласу древностей музея, и самый атласъ, рисунки котораго выполнены несравненно лучше множества подобныхъ

---

*) «Историч. Вѣстн.» 1887 г., № 5 стр., 744, статья подъ заглавіемъ «Минусинскій мѣстный публичный музей».

же археологическихъ чертежей и рисунковъ, прилагаемыхъ къ столичнымъ изданіямъ. И это все въ Сибири, за тысячи верстъ отъ главныхъ центровъ интеллигенціи, отъ всякихъ рисовальныхъ школъ и училищъ технического рисованія,— фактъ въ высшей степени утѣшительный...» И если Н. М. Мартьянову принадлежитъ честь основанія Музея, сосредоточенія въ немъ замѣчательныхъ археологическихъ коллекцій края, то честь выясненія значенія этихъ коллекцій, ихъ популяризація, честь привлеченія къ нимъ вниманія ученаго міра Европы принадлежитъ Д. А. Клеменцу. «Древности» были первымъ капитальнымъ трудомъ и изданіемъ Музея и въ тоже время самымъ капитальнымъ среди литературныхъ трудовъ самого Клеменца. «Древностями» открывался рядъ дальнѣйшихъ его работъ по изученію Сибири. Вотъ почему я позволилъ себѣ такъ долго остановить вниманіе читателя на этой первой въ Сибири работѣ Дм. Алекс-ча.

Но онъ отнюдь не ограничился одной этой работой за время своего пребыванія въ Минусинскѣ. Постоянно участвуя въ научномъ опредѣленіи притекающаго музейнаго матеріала и помогая Н. М. Мартьянову трудомъ и совѣтами, Дмитрій Александровичъ явился еще однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ собирателей коллекцій и матеріаловъ для музея и изслѣдователей. Такъ, въ 1883 г., узнавъ о моемъ снаряженіи въ экспедицію на Алтай и за Саяны, онъ выразилъ желаніе принять въ ней участіе и, получивъ мое согласіе, такъ дѣятельно принялся готовиться, штудировать сочиненія на разныхъ языкахъ объ этомъ районѣ, что положительнo стало, я готовъ въ этомъ признаться, головой и душой экспедиціи. Занятый ежедневной журнальной работой въ «Сибирской Газетѣ», редакторомъ которой я состоялъ тогда, я не имѣлъ достаточно досуга готовиться къ экспедиціи, а ко всему этому я не обладалъ ни знаніями, ни дарованіемъ, чѣмъ такъ щедро надѣленъ былъ Дмитрій Александровичъ. Въ этомъ путешествіи, начатомъ изъ Минусинска лѣтомъ 1883 г., Дм. Ал-чу принадлежитъ самостоятельный маршрутъ по западной части Минусинскаго уѣзда; ему же принадлежитъ и мысль о цѣлесообразности раздѣленія экспедиціи на двѣ части, когда мы прошли съ нимъ

верхнюю Томь до устья р. Балыксы. Отсюда я пошелъ по заранѣ намѣченному маршруту, онъ—по вновь разработанному—дорогой по р. Шор-су на Таштыпъ, Абаканскій заводъ и Абаканъ.

Въ 1884 г. онъ совмѣстно съ приглашеннымъ имъ инженеромъ-технологомъ А. И. Венцовскимъ, также отбывавшимъ политическую ссылку въ Минусинскѣ, совершаетъ на средства Западно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества трудную экскурсію въ верховья Абакана. Его манилъ къ себѣ недоступный и неизслѣдованный до сихъ поръ уголокъ Алтая съ водораздѣломъ между вершинами Абакана, Мрассы (лѣваго притока Томи) и Лебеди (праваго притока р. Би) и Телецкимъ озеромъ, куда я такъ безуспѣшно пытался проникнуть въ 1883 г. съ верхней Мрассы. Клеменць сдѣлалъ попытку пробраться сюда по Абакану, черезъ его вершину, но путь оказался до того труднымъ и рискованнымъ, что его спутники, дойдя до впаденія въ Абаканъ р. Слюдянки, отказались съ нимъ слѣдовать, и онъ одинъ рѣшилъ продолжать, путь. Но, дойдя до подножія Джалика, водораздѣльнаго хребта между Абаканомъ, Мрассой и Лебедью, вынужденъ былъ вернуться назадъ, чтобъ не погибнуть здѣсь голодной смертью.

Но эти экскурсіи Клеменца въ 1883-4 гг. по Минусинскому краю и его занятія въ мѣстномъ музеѣ, вмѣстѣ съ его капитальной работой по археологіи, законченной въ 1885 г., есть лишь первые шаги въ томъ *мѣстномъ* изученіи, въ которое онъ затѣмъ съ головой окунулся, сдѣлавшись идейнымъ руководителемъ мѣстнаго изученія и болѣе чѣмъ кто-либо—фактическимъ работникомъ въ различныхъ областяхъ знанія. По энергіи и изумительной работоспособности это былъ второй Мартьяновъ, только съ болѣе обширными и глубокими знаніями, съ болѣе сильными умомъ и дарованіями, въ противоположность Мартьянову, направленными въ сторону синтетическаго мышленія, съ извѣстной долей провидѣнія въ разрѣшеніи встававшихъ передъ нимъ проблемъ.

Обозрѣвая кипучую трудовую дѣятельность Дм. Ал. Клеменца въ теченіе пятнадцати проведенныхъ имъ въ Сибири лѣтъ, я не знаю никого, кто бы столько, какъ онъ, сдѣлалъ

для мѣстнаго изученія, кто бы былъ, не на словахъ только, а на дѣлѣ, такимъ ревнивымъ апологетомъ настоящей необходимости этихъ изученій. Не сибиряки по рожденію, воспитанію и образованію, Мартыановъ, а въ особенности Клеменцъ, невольный житель Сибири, приведенный сюда изгнаніемъ, дали намъ, сибирякамъ, такіе образцы дѣятельности на почвѣ культурнаго развитія огромной страны, которые мы должны вѣчно помнить съ благодарностью, поучаться у нихъ, вдохновляться ими...

Изъ году въ годъ совершая экскурсіи и путешествія, въ которыхъ на первомъ планѣ стояли столь несходныя между собою дисциплины, какъ геологія и археологія, Клеменцъ не устаетъ попутно собирать самый разнородный матеріалъ, тотчасъ же знакомя съ нимъ въ предварительныхъ отчетахъ и сообщеніяхъ въ ученыхъ обществахъ, въ разныхъ органахъ періодической печати, въ публичныхъ лекціяхъ, всюду внося, на ряду съ живымъ, образнымъ изложеніемъ, ясность мысли, силу убѣжденія и бездну начитанности, укладываясь въ его головѣ какъ-то такъ, что онъ свободно черпалъ изъ этого склада массу сближеній, сопоставленій и иллюстрацій. Казалось, что этотъ умъ не зналъ усталы, обнаруживая постоянную жадность къ знанію и постоянную жажду дѣлиться этими знаніями и приобщать къ нимъ другихъ, убѣждая всѣхъ къ участию въ общей культурной работѣ, доказывая, что она не сеть достояніе, привиллегія избранныхъ, что въ той или иной мѣрѣ она всѣмъ доступна, что горшки обжигаютъ не боги, а самые обыкновенные люди.

За эти полтора десятка лѣтъ Клеменцъ съ необычайной легкостью переносится изъ Минусинска въ Томскъ, изъ Томска въ Ачинскъ, Красноярскъ и Канскъ, оттуда въ Кяхту и Ургу и, колеся по Монголіи, возвращается съ вершины Енисея снова въ Минусинскъ, чтобъ осмотрѣть тамъ новые матеріалы въ музеѣ. Съѣздивъ куда-нибудь для осмотра обнаженія и написавъ предварительный отчетъ о конечномъ путешествіи, онъ снова летитъ въ Иркутскъ и, проработавъ тамъ мѣсяць-другой надъ докладами и по организациіи музейныхъ коллекцій Отдѣла, гдѣ онъ исполнялъ обязанности правителя дѣла, уѣзжаетъ въ Забайкалье для

изученія свадебныхъ обрядовъ бурятъ, или въ Якутскѣ, для организаціи на сибиряковскія средства громаднѣйшей экспедиціи для изученія быта якутовъ.

Въ высшей степени общительный, искренній и благожелательный, чрезвычайно терпимый къ людямъ и неупускающій случая выдвинуть и подчеркнуть все въ нихъ хорошее, Клеменцъ, по водвореніи въ Минусинскѣ, скоро сдружился съ мѣстнымъ обществомъ и сдѣлался желаннымъ гостемъ во многихъ семьяхъ. Его любили за веселый нравъ, остроуміе, безграничную доброту и неизмѣнную готовность помочь каждому. Въ семьяхъ Мартыанова, Малинина, Сафьянова, Барташова, кн. А. А. Крапоткина и др. онъ былъ своимъ человѣкомъ, близкимъ.

Общимъ любимцемъ онъ скоро становился и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ ему случалось задерживаться хотя бы и на непродолжительное время, какъ, напр., въ Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ, Якутскѣ, Кяхтѣ и проч.

Здѣсь я долженъ прервать свой рассказъ о Клеменцѣ, чтобъ дальше говорить о Клеменцахъ.

Лѣтомъ 1884 г. въ Минусинскѣ пріѣхала новая начальница мѣстной женской прогимназіи Елизавета Николаевна Звѣрева.

Дочь мелкаго красноярскаго золотопромышленника, Николая Магвѣвича Звѣрева и Людмилы Александровны Гленъ, иркутской институтки (кажется, изъ перваго выпуска этого института), она родилась въ 1853 г. въ Красноярскѣ.*) Первоначальное воспитаніе и образованіе она получила въ Казани, въ Родіоновскомъ Институтѣ. По окончаніи Института годъ прожила она у своей бабушки въ

---

*) Г. Н. Потанинъ въ цитированномъ выше некрологѣ о Д. А. Клеменцѣ называетъ Е. Н. Звѣреву уроженкою береговъ р. Лены. «Сиб. Жизнь», 1914 г. № 10). Это утвержденіе находится въ противорѣчій съ настоящимъ указаніемъ А. В. Адрианова. Въ одномъ изъ печатаемыхъ въ настоящей книгѣ писемъ Д. А. Клеменца къ И. М. Сибирякову имѣется указаніе на то, что мать Е. Н. Звѣревой въ 1894 г. жила въ г. Верхоленскѣ. Запрошенная нами по этому поводу Е. К. Мартыанова сообщила намъ, что отецъ Е. Н. Клеменцъ служилъ много лѣтъ на ленскихъ присіахъ, гдѣ и умеръ, и что вѣрнѣе всего предположить, что Е. Н. родилась на Ленѣ. Ред.

Москвѣ, а затѣмъ два года въ Красноярскѣ у своей тетки Ал. Ал. Баженовой, съ дѣтьми которой занималась. Отецъ Елиз. Ник-ны рано умеръ и никакихъ средствъ, такъ какъ разорился съ пріисками, не оставилъ, а потому она сама своимъ трудомъ должна была добывать средства къ жизни.

Изъ Красноярска она затѣмъ переѣхала въ Томскъ, гдѣ одновременно занималась преподаваніемъ ариѳметики въ младшихъ классахъ женской гимназіи и состояла гувернанткой при дѣтяхъ губернатора Супруненко.

Скопивъ здѣсь денегъ, она уѣхала въ 1880 г. въ Петербургъ и поступила на Бестужевскіе курсы, а по окончаніи ихъ тотчасъ же была назначена въ Минусинскъ на открывшуюся вакансію начальницей прогимназіи. Съ этимъ учрежденіемъ у нея уже въ Петербургѣ возникли кое-какія связи... Годъ спустя послѣ поступленія Елизаветы Николаевны на курсы сюда же пріѣхала минусинка М. П. Барташова, дочь мѣстнаго не крупнаго золотопромышленника. Окончившая семь классовъ Красноярской гимназіи съ золотой медалью, она была назначена учительницей приготовительнаго класса Минусинской прогимназіи. Прозанимавшись годъ, она въ августѣ 1881 г. уѣхала на Бестужевскіе курсы и здѣсь вступила въ сибирское землячество. Тутъ, на почвѣ общихъ и близкихъ имъ интересовъ, Звѣрева познакомилась съ Барташовой, а затѣмъ и сдружилась, а по окончаніи курсовъ въ 1885 г. вновь поступила учительницей въ Минусинскую прогимназію, гдѣ подруга ея уже годъ состояла начальницей.

Въ жизни этого учебнаго заведенія новая начальница открыла новую эру, снискавъ любовь и уваженіе ученицъ, сохранившихъ о ней свѣтлыя воспоминанія.

Ея предшественница, первая начальница гимназіи, г-жа Федорова, ни по своему образованію, ни по своимъ интеллектуальнымъ и моральнымъ качествамъ не соотвѣтствовала своему назначенію, что особенно ярко выразалось въ часто произносимой ею фразѣ, засѣвшей въ головѣ ея ученицъ: «хоть день, да буду дамой». И вотъ эта «дама» все свое пониманіе педагогическихъ обязанностей сводила къ непрестанной муштрѣ ученицъ. «У-у, безмозглая дура», «голова соломой набита», только и слышалось въ классахъ. Безъ на-

казаній рѣдкій день проходилъ. Она ставила къ стѣнѣ на ноги чуть не по цѣлому классу, нисколько не считаясь съ тѣмъ, что въ то время въ первомъ классѣ прогимназіи были дѣвицы по 16—17 лѣтъ. На дежурную ученицу возлагалась обязанность слѣдить за своими товарками, записывать замѣченные за ними проступки и докладывать о нихъ начальницѣ для наложенія наказанія.

Прямой противоположностью этой „дамѣ явилась Ел. Н. Звѣрева. Серьезная и нѣсколько суровая съ виду, она отличалась справедливымъ, ко всѣмъ равнымъ отношеніемъ и добротой; она входила во всѣ интересы своихъ ученицъ, любовно, какъ старшій товарищъ, разбираясь въ нихъ. Преподавая исторію и естествознаніе, Ел. Ник-на широко пользовалась музейными коллекціями, какъ нагляднымъ пособіемъ, и каждое воскресенье, каждый праздникъ водила своихъ ученицъ въ Музей, рассказывая имъ здѣсь очередной урокъ по естественной исторіи и иллюстрируя его музейнымъ матеріаломъ. По отзывамъ ея бывшихъ ученицъ, теперь уже матерей семейства, она была образцовымъ, добросовѣстнымъ педагогомъ, преданнымъ своему дѣлу. Рассказывая и разясняя урокъ, она оставляла въ ученицахъ большое впечатлѣніе.

Она первая начала устраивать въ прогимназіи елки, которыми внесла въ жизнь дѣтей надолго памятные развлечения. Она учила дѣтей декламации и была въ то время единственнымъ въ Минусинскѣ человѣкомъ, способнымъ за это взяться. Учила говорить на елкѣ стихи, учила танцамъ и играмъ. Собирая на устройство елки деньги, она стремилась одѣлать всѣхъ ученицъ, кромѣ сластей, хорошими подарками. На елкахъ въ прогимназіи она всегда собирала родителей и родственниковъ учащихся и знакомыхъ, такъ что праздникъ выходилъ интересный, веселый, доставлявшій присутствовавшимъ на немъ большое удовлетвореніе. Съ тѣхъ поръ елки въ Минусинской женской прогимназіи стали праздникомъ постояннымъ, безъ котораго не обходилось ни одно Рождество. Въ любительскихъ спектакляхъ, которые и тогда устраивались время отъ времени, Е. Н. Звѣрева была лучшей любительницей, особенно при постановкѣ бытовыхъ пьесъ Островскаго, и своей умной, продуманной игрой производила впечатлѣніе.

При всемъ томъ Ел. Н. Звѣрева веселой, оживленной никогда не бывала, но она всегда вносила въ общество что-то новое и остроумное; всегда общество ея было интереснымъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, вспоминаютъ ее и теперь знавшіе ее Минусинцы.

Обозрѣватель исторіи Минусинскаго Музея за 25 лѣтъ Ф. Конъ говоритъ (на стр. 232) объ Елизаветѣ Николаевнѣ, что она была «членомъ комитета по постройкѣ зданія Музея, принимала участіе въ работахъ музея, завѣдывала метеорологическою станціей, доставляла растенія, а по выѣздѣ изъ Минусинска выслала гербарій, китайскіе и японскіе предметы.» Къ этому мы можемъ прибавить, что на торжествѣ закладки музея Е. Н. выступила съ довольно большою содержательною рѣчью, явивъ тѣмъ самымъ, можетъ быть, первый для Минусинска примѣръ выступленія женщины въ подобной обстановкѣ.

Часто посѣщая Музей со своими ученицами, Елизавета Николаевна здѣсь познакомилась съ работавшимъ тогда въ музеѣ Дм. Ал. Клеменцомъ, которымъ потомъ и увлеклась. Нравилась, въ свою очередь, и она ему по своимъ душевнымъ качествамъ, по характеру.

Въ 1886 г. они были помолвлены, но такъ, что объ этомъ знали лишь самые близкіе люди.

Въ этомъ же году Клеменць, получивъ разрѣшеніе, уѣхалъ въ Томскъ, чтобы принять болѣе близкое дѣятельное участіе въ „Сибирской Газетѣ“, около которой тогда стояли Ф. В. Волховской, С. Л. Чудновскій, кн. Ал. Ал. Кропоткинъ, К. М. Станюковичъ и группа мѣстныхъ работниковъ, какъ И. Г. Муромовъ, А. И. Войцеховскій, И. Ф. Красиковъ и др. Клеменцу поручено было, поочередно съ Волховскимъ и Станюковичемъ, писать фельетоны. Весной слѣдующаго года, послѣ работы по устройству этнографической выставки въ Томскѣ, Клеменць уѣхалъ снова въ Минусинскъ, гдѣ, кажется, производилъ раскопку Уйбатскаго кургана, а кромѣ того, сдѣлалъ поѣздку въ Урянхайскій край. Оттуда онъ вернулся прямо на Узунжуль, на присѣкъ Баргашовыхъ, гдѣ гостила во время каникулъ у своей подруги Елизавета Николаевна, и повѣнчался съ нею въ ближайшей церкви въ с. Аскызскомъ, центрѣ управленія сагайскими и др. инородцами.

Съ тѣхъ поръ началась эта дружная жизнь двухъ сердець, бившихся въ унисонъ. Оба они дополняли другъ друга, вмѣстѣ работая, одинъ другому помогая, дѣля горе и радости.

Пропутешествовавъ въ теченіе мѣсяца послѣ свадьбы по татарской (Абаканской) степи, Клеменцы поздней осенью пріѣхали въ Томскъ и поселились на одной квартирѣ съ пріѣхавшей также сюда изъ Минусинска М. П. Барташовой и новымъ сотрудникомъ «Сибирской Газеты», П. А. Голубевымъ, административно высланнымъ изъ Вятки земскимъ дѣятелемъ. Съ тѣхъ поръ эта квартира часто являлась сборнымъ пунктомъ для сотрудниковъ „Сибирской Газеты“.

Неистощимое остроуміе Клеменца, его мастерскіе рассказы, о чемъ бы онъ ни заговорилъ, подкупающее простодушіе Петра Александровича Голубева, живая подвижность неугомонной Марьи Петровны Барташовой и теплота, которой согрѣвала всѣхъ Елизавета Николаевна, связали въ такой клубокъ эту малую группу, что къ ней всѣхъ тянуло отъ повседневной работы и заставляло засиживаться далеко за полночь. Какъ ни былъ саркастически настроенъ и заваленъ литературной работой вѣчно нуждавшійся К. М. Станюковичъ, но и онъ всегда тянулся къ этой компаніи и ее тянулъ сыграть въ винтъ, который онъ до страсти любилъ, подыскивая себѣ партнера въ лицѣ также страстной любительницы винта М. П. Барташовой, Д. А. Клеменца и меня. Я рѣдко могъ отдаваться этому удовольствію, занятый, помимо веденія сибирскихъ отдѣловъ газеты, корректурой, экспедиціей газеты, управленіемъ типографіей, до приѣма заказовъ и ихъ корректуры включительно, и вообще завѣдываніемъ всей хозяйственной частью газеты и типографіи. Но, должно быть, забавное зрѣлище со стороны представляла эта компанія за винтомъ, когда постоянно кипятившійся Станюковичъ журилъ своихъ партнеровъ, величая ихъ „сапожниками“ за неудачно сдѣланный ходъ. Доставалось отъ него добродушно отшучивавшемуся Клеменцу, но больше всѣхъ, кажется, мнѣ. «Въ бабки вамъ играть, а не въ винтъ», корилъ онъ меня, собирая карты для новой игры, причемъ глазъ его начиналъ подергиваться сильнѣе обык-

новеннаго, обнаруживая его волненіе. Страсть Конст. Мих-ча «сразиться» въ винтъ была до того велика, что, не находя партнеровъ, онъ утащитъ, бывало, къ себѣ Клеменца и дуется съ нимъ въ „бисмарка“ (игра въ винтъ вдвоемъ). Случалось, подходитъ время набирать очередной фельетонъ Клеменца, а рукописи нѣтъ. Бѣгу къ нему на квартиру, спрашиваю Елизавету Николаевну, гдѣ Клеменць, гдѣ его рукопись, но она ничего не знаетъ. «Кажется, онъ ничего не писалъ, да онъ и дома сегодня не ночевалъ». Обхожу кой-кого изъ общихъ знакомыхъ и, наконецъ, нахожу Дмитрія Александровича у Станюковича—они со вчерашняго вечера дуются въ бисмарка, забравшись въ укромный уголокъ квартиры. „Ахъ, штобъ васъ тутъ, а фельетонъ гдѣ?“ спрашиваю. Дмитрій Александровичъ, набравъ воздуха, медленно проводитъ широкимъ жестомъ по лысинѣ, наклоня голову подъ рукой и молчитъ съ виноватымъ видомъ, наконецъ, пока Станюковичъ подыскиваетъ тотъ или другой способъ „заткнуть дыру“ въ выпускаемомъ номерѣ газеты, говоритъ: «такъ я чтожъ, тотъ какъ ево, я сейчасъ напишу.....“

Конечно, въ этихъ нашихъ увлеченіяхъ денежная сторона не играла никакой роли. Это былъ просто своего рода отдыхъ, отвлеченіе отъ умственной работы.

Не оставляя обработки добытыхъ во время лѣтнихъ экскурсій матеріаловъ, Клеменць во время своего пребыванія въ Томскѣ всетаки работалъ и въ газетѣ.

Ранней весной 1888 г. Клеменцы отправились въ путешествіе «въ Ачинскій и Канскій округа», а когда снова вернулись поздней осенью въ Томскъ, „Сибирской газеты“ уже не было—правительство, „въ составѣ четырехъ Министровъ“, закрыло ее навсегда, по особому ходатайству попечителя учебнаго округа В. М. Флоринскаго, только что отпраздновавшаго открытіе Томскаго Университета и разрисовавшаго своему министерству вредоносное вліяніе газеты на будущую студенческую массу.

Клеменцы тогда перекочевали въ Иркутскъ, который надолго сдѣлался центромъ дѣятельности Дм. Алекс-ча въ послѣдній періодъ его жизни въ Сибири, періодъ едва ли не наиболѣе усиленной и продуктивной дѣятельности и во

всей его жизни. Здѣсь вполне развернулись его дарованія въ приложеніи ихъ къ мѣстнымъ изслѣдованіямъ, сначала въ качествѣ правителя дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, а затѣмъ въ качествѣ изслѣдователя, исколесившаго Монголію съ цѣлью изученія ея преимущественно въ отношеніяхъ археологическомъ и геологическомъ.

„Послѣдніе годы своего пребыванія на Востокахъ“, говоритъ Г. Н. Потанинъ въ цитированной уже нами статьѣ, «Клеменцу пришлось провести въ Монголіи. Когда Ядринцевымъ были открыты на Орхонѣ руноподобныя письмена, наша академія наукъ снарядила на Орхонѣ экспедицію подъ начальствомъ академика Гадлова. Академикъ пригласилъ въ составъ своей экспедиціи Ядринцева и Клеменца. На перваго онъ смотрѣлъ, какъ на легкую кавалерію, несущую развѣдочную службу, а на Клеменца, какъ на тяжело-вооруженное войско. Ядринцевъ долженъ былъ дѣлать быстрые набѣги въ разные углы Монголіи и разузнавать, гдѣ есть писаницы и каменные бабы, а затѣмъ въ тѣ же мѣста долженъ былъ отправляться Клеменць составлять точныя описанія, дѣлать раскопки по всѣмъ правиламъ науки и пр. По окончаніи экспедиціи, Академія Наукъ предложила Клеменцу остаться въ Монголіи и продолжить розыски памятниковъ древности. За это время Клеменць извѣздилъ всю Сѣверную Монголію отъ Урги до Хобдо. Его дневники, кажется, до сихъ поръ остаются неизданными; въ нихъ, кромѣ замѣтокъ по археологіи, содержится много и геологическихъ наблюденій. Послѣдняя его поѣздка въ Центральную Азію была совершена въ окрестности города Турфана для описанія найденныхъ тамъ развалинъ буддійскихъ храмовъ. Эта работа была напечатана Академіей Наукъ на нѣмецкомъ языкѣ».*)

Всѣ поѣздки Дмитрія Александровича по Монголіи раздѣлялъ съ нимъ и его вѣрный другъ, Елизавета Николаевна, путешествуя верхомъ, подобно тому, какъ Александра Викторовна Потанина всегда и всюду сопровождала своего супруга. Одну изъ поѣздокъ на р. Керуленъ для археологическихъ изысканій она совершила самостоятельно,

*) „Сибир. Жизнь“, 1914 г., № 10. Ст. Г. Н. Потанинъ—„Д. А. Клеменць“.

а во время совмѣстныхъ поѣздокъ собирала флористическій матеріалъ, вела метеорологическія наблюденія и проч.

На этомъ и заканчивается сибирская полоса жизни и дѣятельности Клеменца.

Гр. Н. Потанинъ, въ цитированной мною статьѣ его, нѣсколько переоцѣниваетъ объемъ и значеніе участія Клеменца въ сибирской печати—оно не было такъ велико и продолжительно, но за то онъ вѣрно отмѣтилъ и оцѣнилъ внутреннее содержаніе всей работы Дм. Алекс—ча во время пребыванія его въ Сибири.

Какъ богато одаренная натура, онъ, дѣйствительно, не принадлежалъ къ той категоріи узкихъ политическихъ дѣятелей, которые гнушаются культурной работы, и вращеніе его въ революціонной средѣ не сузило его широкихъ взглядовъ. Очутившись въ Сибири, онъ отдался разносторонней культурной дѣятельности—ученаго изслѣдователя, собирателя коллекцій, публициста, лектора. Вѣрно, что онъ широко понялъ задачи мѣстнаго печатнаго органа и не стремился превратить его въ орудіе пропаганды, а выдвигалъ на первый планъ мѣстные вопросы и разрѣшеніе проблемъ культурной жизни Сибири, которая навсегда осталась ему дорога, всегда привлекая къ себѣ его вниманіе, особенно въ лицѣ ея многочисленныхъ народностей, обездоленныхъ и обрекаемыхъ на вымираніе. Сибирскіе инородцы имѣли въ Клеменцѣ самаго вѣрнаго друга—гуманиста, душой болѣвшаго за ихъ судьбу и мечтавшаго о способахъ улучшенія ихъ участи.

Когда въ 1904 г. на Алтайъ возникло религіозное движеніе, именуемое бурханизмомъ, съ проповѣдью алтайца Чета Челпанова, возставшаго противъ дѣятельности шамановъ и кровавыхъ жертвъ, и когда невѣжество миссіонеровъ и полиціи повело къ дикому разгрому инородцевъ и аресту нѣсколькихъ десятковъ изъ нихъ, Клеменцъ пріѣхалъ изъ Петербуга на Алтай и, собравъ матеріалъ объ этомъ движеніи въ глубинѣ стойбищъ калмыковъ, онъ оцѣнилъ это движеніе, какъ «нарастающіе запросы больной души бѣднаго народа, исканіе болѣе чистаго и широкаго источника для удовлетворенія своихъ высшихъ потребностей», и по возвращеніи въ Петербургъ выступилъ въ Географическомъ

Обществѣ съ особымъ докладомъ на эту тему. А впоследствии, когда въ Окружномъ Судѣ назначенъ былъ разборъ дѣла объ инородцахъ, сидѣвшихъ въ Бійскомъ острогѣ, онъ снова пріѣхалъ сюда изъ Петербурга и выступилъ на судѣ въ качествѣ защитника, подобно тому, какъ это сдѣлалъ В. Г. Короленко въ Мультианскомъ дѣлѣ о вотякахъ, и обезпечилъ алтайцамъ оправдательный приговоръ.

Г. Н. Потанинъ очень тужилъ о томъ, что у насъ до сихъ поръ не появилось труда, въ которомъ было бы отведено сибирскому шаманству особое мѣсто, съ указаніемъ присущихъ ему характерныхъ чертъ, коими оно отличается отъ другихъ первобытныхъ религій, и обрадовался, когда узналъ, что одна просвѣтительная фирма въ Бостонѣ, въ Америкѣ, предложила Дм. А. Клеменцу составить монографію о сибирскомъ шаманствѣ, и онъ согласился выполнить эту работу.*) Обрадовался потому, что считалъ Клеменца наиболѣе подходящимъ редакторомъ такой монографіи. Взявшись за эту работу, Клеменць привлекъ къ участию въ ней и самого Потанина, привлекъ и своего неизмѣннаго сотрудника, Елизавету Николаевну, и свою племянницу, которымъ поручилъ собираніе литературнаго матеріала по шаманству и составленіе ему свода. Къ сожалѣнію, смерть Клеменцовъ положила конецъ этому предпріятію.

Сближеніе съ академикомъ В. В. Радловымъ еще въ 1891 г., во время его экспедиціи на Орхонъ для изслѣдованій Каракорума, древней столицы монгольскихъ хановъ, въ которой Д. А. Клеменцу принадлежитъ такая видная роль въ области археологическихъ изслѣдованій, повело къ тому, что во второй половинѣ девяностыхъ годовъ Клеменць былъ приглашенъ консерваторомъ въ этнографическій Музей Академіи Наукъ, который тогда былъ выдѣленъ изъ Петровской кунсткамеры и заново устраивался подъ руководствомъ его энергичнаго директора, В. В. Радлова, а къ 1904 г. превратился въ громадный государственный Музей антропологии, этнографіи и археологіи имени Петра Великаго.

---

*) Г. Н. Потанинъ „Шаманизмъ у енисейскихъ остиковъ“, статья въ № 217 „Сибир. Жизнь“ за 1914 г.

Съ этого времени для Клеменца началась новая, Петербургская полоса жизни, продолжавшаяся также, какъ и Сибирская, около 15 лѣтъ.

Но Клеменць не остался въ Академіи ждать конца работы по устройству Музея Петра Великаго.

Возникшая мысль объ организаціи грандіознаго Русскаго Музея, какъ памятника въ честь скончавшагося Императора Александра III, именно мысль объ организаціи этнографическаго отдѣла этого музея, охватывавшаго все народности, входящія въ составъ многоплеменной и многоязычной имперіи, и народности сопредѣльныхъ съ нею странъ, была настолько заманчивой, что Клеменць принялъ сдѣланное ему предложеніе встать во главѣ этнографическаго отдѣла Музея, въ качествѣ его завѣдующаго.

Около 10 лѣтъ онъ находился здѣсь, организуя сборы коллекцій и руководя работами по ихъ описанію и регистраціи. Его литературная дѣятельность за этотъ періодъ весьма не велика и ограничивается по преимуществу его участіемъ въ еженедѣльныхъ редакціонныхъ собраніяхъ „Русскаго Богатства“, членомъ редакціи котораго онъ состоялъ вмѣстѣ со своимъ старымъ другомъ А. И. Иванчинымъ-Писаревымъ. Но за то мало кому видная организаціонная его дѣятельность была весьма значительной. Памятниками ея останутся весьма хорошо разработанная (хоть и не полная) «программа для собиранія этнографическихъ предметовъ», составляющая книжку около 50 страницъ, и та обширная переписка, которую онъ велъ съ коллекторами.

Въ концѣ концовъ силы начали ему измѣнять, и для возстановленія ихъ приходилось дѣлать нерѣдкія поѣздки за границу. Въ 1910 г. онъ ушелъ въ отставку съ пенсіей въ 2000 рублей и съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Послѣдніе годы онъ жилъ съ Елизаветой Николаевной въ тихомъ уголкѣ Москвы, въ Замоскворѣчьи, рѣдко гдѣ бывая и уже не выступая въ печати.

Въ эти послѣдніе годы, какъ въ Петербургскій періодъ жизни, роль и значеніе Елизаветы Николаевны для Клеменца выступили съ особенною яркостью. Онъ въ прежнее время, смолоду, отличался разсѣянностью и недостаточной вни-

мательностью по отношенію къ себѣ. То онъ затеряетъ записную книжку, то калоши забудетъ надѣть, то, какъ я выше рассказывалъ, забудетъ срочную статью написать и т. п. А съ годами онъ нуждался въ уходѣ за собой. И этотъ уходъ дала ему Елизавета Николаевна, ставшая его ангеломъ-хранителемъ. Она постоянно окружала его своимъ вниманіемъ, теплотой и заботой, но такъ, что онъ этого и не замѣчалъ! За самыя послѣдніе годы она избѣгала оставлять его одного, рѣдко выходя изъ дому и въ случаѣ своихъ отлучекъ поручая вниманію кого-либо изъ пришедшихъ къ нимъ родственниковъ, или вызванныхъ по телефону знакомыхъ, или, наконецъ, пользуясь приходомъ учительницы англійскаго языка, которымъ Клеменць вздумалъ заниматься незадолго до смерти.

Занятіе англійскимъ языкомъ по существу было фантазіей Клеменца, къ тому же довольно дорого обходившейся, но Елизавета Николаевна, не желая лишать своего друга этого удовольствія, сама начала давать уроки французскаго языка, чтобъ имѣть лишнія средства къ жизни.

Жившіе у Клеменца дѣти его племянницы (своихъ дѣтей у Клеменца не было) также доставляли Елизаветѣ Николаевнѣ огромную работу. Особенно много было хлопотъ съ любимцемъ Клеменца, мальчикомъ очень избалованнымъ, съ которымъ ей приходилось заниматься. И тѣмъ не менѣе Елизавета Николаевна должна была придумать способы внушеній мальчику такіе, чтобъ не огорчать Дмитрія Александровича. И это не было крестомъ, который несла Елизавета Николаевна. Напротивъ, она была нѣжна съ дѣтьми, любила ихъ, всю себя отдавая имъ и своему другу.

Въ послѣдніе годы жизни она была положительно нянькой и для самого Клеменца, и для дѣтей. Съ наступленіемъ 1914 г. Дмитрій Александровичъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, и когда для Елизаветы Николаевны выяснилась безнадежность его положенія, ея сердце не выдержало вида ея вѣрнаго друга, лежавшаго безъ сознанія, и она скончалась 4 января отъ удара. А вслѣдъ за нею скончался 8 января и Дмитрій Александровичъ.

«Оба друга одновременно, какъ будто взявшись за руки, ушли изъ реальнаго міра», говоритъ Потанинъ.

Я закончу свой очеркъ трогательными словами Г. Н. Потанина, которыми онъ заканчиваетъ свою памятку о Клеменцахъ: „Хотя, расслабленный продолжительною болѣзнью, Клеменць подъ конецъ жизни слабо заявлялъ себя въ литературѣ и общественной жизни, но было тепло на душѣ отъ одного сознанія, что еще существуетъ на свѣтѣ это чудесное сердце, и потому смерть „слоняваго гуманиста,“ по неприличному выраженію Маркова 2, почувствовалась и отдаленными друзьями покойнаго, какъ тяжелая обида. Перестало биться сердце, воспитанное евангельскимъ ученіемъ непосредственно изъ чистаго первоисточника, а не казенною гомилетикою; затихло сердце, наученное евангельскою проповѣдью служить духовнымъ прибожищемъ разнымъ обездоленнымъ и обойденнымъ инородцамъ, приговореннымъ желѣзными социальными законами къ вымиранію, дѣвушкамъ, лишеннымъ красоты и осужденнымъ на жизнь безъ семейнаго счастья, и всякимъ другимъ.“

Елизавета Николаевна была прекрасный, добрый, любящій человѣкъ, имѣла всѣ права, чтобы стать матерью и воспитательницею новаго поколѣнія, но она не была красивою женщиною, и, можетъ быть, эта глубокая несправедливость природы прежде всего вызвала въ гуманномъ сердцѣ сосланнаго крамольника протестъ, который потомъ перешелъ въ прочное теплое чувство.* *)

А. В. Адриановъ.

---

*) Г. Н. Потанинъ. Ст. „Д. А. Клеменць“. «Сиб. Жизнь» за 1914 г. № 10.